

18+

АРОН ЛИПОВЕЦКИЙ

ОРНАМЕНТ

СТИХИ 1978–2020 ГГ.

Арон Липовецкий

Орнамент. Стихи 1978—2020 гг.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58120726

ISBN 9785005144317

Аннотация

«В подъезде растаявший снег/ Да шарфик из козьего пуха», «там вскрыт конверт, там скрип окна, там долга темный след», «Он поправил армейскую сумку на плече сына», «езде там, где мы будем спокойно беспокоиться за детей», «Жми по центру, Санёк, захлебнись беззаботной игрой», «я мертвой воды насмотрелся в порту», «с фурацилином канареечным, прополисом на спирту», «Отлетел из мира, взмыл, исчезая, обнаженный к бою клинок». Некоторые стихи были опубликованы в других сборниках автора.

Содержание

«Зима – это кофе, лимон...»	6
Кино	7
На Крите	8
Нектар	9
«Допив кофе...»	10
«Я вышел вчера из комы...»	11
«Я знать не знал умершего соседа...»	12
«Помнишь, как она на тебя смотрела...»	13
На кругах ветра	15
Незыблемая скала	17
«Проснуться и...»	18
Каникулы	19
«Со дна бокала пузырьки...»	20
«Здесь, в старом шапито...»	21
Лопухи	22
«Ветер восточный...»	24
Равенна	26
«Так ты любила меня...»	27
Ритуал	28
Из «Стихов, записанных утром»	29
«И вдруг оказываешься в чужом доме...»	32
«Речь повседневности меж «как живешь» и...»	33
«Мне из постели видно: выпал снег...»	35

«Лето только пережить...»	36
Римская монета	37
Давиду Фогелю, поэту	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Орнамент

Стихи 1978—2020 гг.

Арон Липовецкий

*– Где ты? Среди тех, кто живет настоящим, или среди тех,
кто придумывает сказки? – спросил Alter Rebbe.*

– Я измеряю и взвешиваю, – ответил Alter Ego.

© Арон Липовецкий, 2020

ISBN 978-5-0051-4431-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Зима – это кофе, лимон...»

Зима – это кофе, лимон,
В подъезде растаявший снег
Да шарфик из козьего пуха.
А осень – арбузный звон,
Упругие линии бронзовых тел,
И о зиме – ни слуха.

Кино

Она, конечно, убежит, поскольку, если нет,
то вот на этом кадре вот закончится сюжет.
Потом ближайший друг продаст, потом дитя убьют,
ведь, если будет что не так, бестселлеру капут.
Щепотка ностальжи взасос, слезливый злой старик,
из Мандельштама парафраз, растрепанный парик.
Догадливый наивный фрик, его ножом пырнут.
Всё-всё на голубом глазу по списку помянут.
Во лжи погряз игривый крик, смешной еврей-сосед,
там вскрыт конверт, там скрип окна, там долга темный
след.
Запрыгнет кошка на балкон, свою умерив прыть.
Я тоже там стою в дверях. И стоит ли входить?

На Крите

На Крите в Кносском дворце
я попросил рассказать
о минойцах, о водостоках,
о мощеных дорогах, о фресках,
похожих на египетские.
Но гид продолжала рассказ
о Миносе и лабиринте,
о Минотавре, Ариадне и Тесее,
о хитроумии, отваге и любви.
Я уже хотел повторить просьбу,
но красивая молодая женщина
отважно подошла ко мне сзади
и, почти касаясь, привстала на носках:
– Не мешайте людям слушать сказку,
– нежно шепнула она мне на ухо.

Нектар

Прежде, чем спикировать при боковом ветре,
пустельга набирает высоту, еще не зная цели.
Писец не успеет выдать на глине список ее побед.
Пишет он быстро, таких-то ловких на пальцах руки,
влажная глина податлива и лежит неподвижно,
он любит эту отборную мягкую глину сильнее,
чем сорок тысяч братьев, он умеет касаться ее тяжести
с обеих рук, но даже тогда
бурая пустельга летает быстрее и против ветра,
да еще и сама по себе, а не у ловчего на поводке.
Она атакует полевку с трепетом, окрашивая собою степь,
словно колибри зависает, учуяв нектар.
Глине не стать царицей библиотек,
разобьют таблички все, кто встретится на пути.
И что останется векам, ради которых ее обжигали
крепче камня, складывали в прочные ниши?
Писец ловит пустельгу одним движением.
И она летит себе, а табличка живет с ее отпечатком.

«Допив кофе...»

Допив кофе,
она оставила чашку на столике
около двух таких же,
словно тут была компания,
сообразившая на троих.

«Я вышел вчера из комы...»

Я вышел вчера из комы,
И мы с тобой не знакомы.
Засыпана в каменоломне,
Я больше тебя не вспомню.

«Я знать не знал умершего соседа...»

Я знать не знал умершего соседа,
но смерть еще не старого мужчины
коснулась и расстроила меня.
А вот, когда бы знал его всю жизнь,
все, что замалчивают или пропускают,
быть может, сообщение о смерти
меня не огорчило бы совсем.
Но о тебе я помню, добрый друг.
Тебе оставлю два десятка строк,
должно хватить, чтоб не забыть меня.

«Помнишь, как она на тебя смотрела...»

Так мы и лечим посмертным плачем прижизненную любовь

Проперций, пер. с лат. Гр. Дашевского

Помнишь, как она на тебя смотрела,
та, которую ты меж подруг заметил,
чьи слова умны хоть по-детски наивны,
и в движениях своих совсем ребенок.
И скромна она и улыбчива была с тобою,
увидев тебя в шалаше и вчера на рынке,
и глаза большие темные отвести не сумела.

Но не пошлешь ты в дом ее отца подарки,
пусть в родительском доме дождется счастья.
Ты не молод, вдовец, и детей у тебя трое,
разве будет ей в радость судьба такая?
Пролетит неделя-другая, молитвы, праздник...
и она о тебе навсегда с другим забудет.
Ты мужик что надо и хозяин крепкий,
та вдова бездетная из Моава в твоём доме
на своём будет месте, войдет хозяйкой.

А о снах своих, где ты с ней играешь,
помни молча, знать о том никому не надо.

Никому не надо знать, как сердце ноет,
собирает по капле тайной страсти муки.
Пусть посмертными стонами разразится,
как уверяют в элегиях поэты Эдома.

На кругах ветра

И было это осенью,
в лучшее время года для такого.
– Ицхак, – сказал Авраам, —
укрепи эти сучья на ослах
и захвати еду в дорогу.
Пошел дождь, из первых, редкий недолгий.
– Набрось капюшон, Ицик, – сказал он, —
и иди к машине.
Был первый день
и были дороги тесны от автомобилей.
Они ехали в потоке и останавливались
на каждом светофоре.
Через несколько дней пути Авраам сказал:
– Вот это место. Привяжи ослов и развяжь их.
Захвати дрова с собой.
Он поправил армейскую сумку на плече сына,
помог ему надеть винтовку,
которая стянула плечи и грудь.
– Удачи, сынок. Звони.
И было, не мог он оторвать взгляда
от сильной спины сына,
от легких его шагов к воротам базы.
– Сара, не умирай, Сарале.
Ангел успеет.

Незыблемая скала

Не наполнишь собою дом, не мелькнешь в зеркале.

У.-Ц. Гришберг

встречал эти лица и я, и больше не встречу никого из них.
на светофоре не попросит проехать прямо из правой
полосы,
на пикнике не сварит кофе на моем остывающем мангале,
ни в парках, ни в магазинах, ни в банке, ни на пляже...
везде там, где мы будем спокойно беспокоиться за детей,
допоздна работать, планировать отдых, торговаться
на рынке,
спешить и опаздывать, выздоравливать и отчаиваться...
под надежным куполом, в тени неодолимой скалы
из резервистов и срочников,
которые и впредь будут накрывать нас крылом своего
мужества.
— Эй, дедок, ты где? Это шоссе, это тебе не забор
сторожить, —
с ухмылкой отмахивается он, подрезав меня на своем
мотоцикле.

«Проснуться и...»

Проснуться и,
не открывая глаз,
знать, что еще темно,
раз одинокий соловей
поет тебе в окно.
Он далеко, он у моста,
его блаженный глас
под небеса пролит.
А он с соседнего куста
творит и мост и небеса,
и горизонт творит.
И лучше глаз не открывать,
себе свободу даровать,
услышать эха вертикаль.
И снова необъятна даль
и первозданна нагота
шоссе, кустов, моста.

Каникулы

Духовитый настой венских стульев и пыльных гардин,
Он тебя заведет в лабиринт полустертых отметин,
Запустеньем наполнен наследства грибной габардин
непошитых пальто, не распетых в два голоса сплетен.

Поманит законная даль конопатою бойкой жарой,
Дразнит плеск у моста и песок на открытой странице.
Жми по центру, Санёк, захлебнись беззаботной игрой.
Твой доверчивый август в зените все длится, и длится.

«Со дна бокала пузырьки...»

Со дна бокала пузырьки
стремятся вверх по росту
или, точнее, по величине.

Вот крупные, зажав свои мирки,
всплывают на поверхность и с погоста
ее оказываются вовне.

А мелкие несут свой хмель в виски,
сливаются под черепной коростой
и образуют пустоту во мне.

Так двух пустот тиски
удерживают в равновесьи тело – остов,
их обе разделяющий вполне.

«Здесь, в старом шапито...»

Здесь, в старом шапито
в знакомом провинциальном захолустье
три дня скрываемся семьей
у циркачей заезжих.
В теплой шали жена
испугана, забита.
Сын беззаботен, как обычно.
А я насторожен и взвинчен,
при лошадях с охапкой сена.
За поворотом коридора
тяжелый занавес арены.
Проходит мимо клоун с рожей.
Ни подозренья, ни укора
не выражает он, похоже,
а все ж тревога нарастает.

Лопухи

Мама печет пироги,
Пахнет ванилью и сдобой.
И, примостившись удобней,
Прячу свои синяки.
Возле жестяной духовки
Мама гусиным крылом
Мажет листы и сноровка
Кажется мне колдовством.
Все отчужденно, как будто
Я ни при чем здесь ни капли.
Летом безмолвьем обуто,
Кухня – лишь сцена в спектакле.
В следующем действии топот
Детских сандалий по полу
И по скрипучим ступеням.
Соседский сдержанный шепот:
– Шуму... об эту-то пору, —
И лопухи по коленям.
И доносящийся окрик,
Чуть-чуть истошный, надсадный,
Рассчитан на непослушанье.
Порожек вымытый мокрый,
Ни суеты, ни досады,
Ни цепей обладанья.

«Ветер восточный...»

Ветер восточный
В трубе водосточной
Наспех читает
Мне первоисточник.

Чтением такие
Мы с ним занятые,
Что замираем,
Когда запятые.

В новом отрывке
Костры и арыки,
Шепот молитвы,
Проклятия крики.

Что там? Пергамент
Хрустит уголками?
Иль бедуины
Кочуют песками?

Голос высокий,
Пришлый, с востока,
Полузабытой
Речи пророка.

Равенна

Кодируют кладкой кирпичной следы
к мозаике Дантовой немоты.

Я выучил площадь, припомнить в аду,
я мертвой воды насмотрелся в порту,
я был там закован, с Равенной грустил.
И каждый мой грех там меня отпустил
весёлым и молодым.

«Так ты любила меня...»

Так ты любила меня,
так оплела мои ноги,
что бегу от тебя и бегу
и забыть я тебя боюсь.

Ритуал

Тепло уходит из-под одеяла.
Холодный пол, горячий чай, в окно
неяркий свет, колючее сукно.
Врасплох и это утро нас застало.
Но каждое движенье разрушало
молчание. Уже обречено
беспечным гулом улиц стать оно,
бумажным шорохом и скрежетом вокзала.
День проживу, как будто в забытии,
знакомый ритуал исполню строго.
Вдохну, коснусь, глотну на полпути
тревоги, сплетен, солнечного сока.
Торопит, ждет, но вовсе без предлога
я встану вдруг, очнувшись посреди.

Из «Стихов, записанных утром»

1.

Продлить бы чтение на протяженность дня
от утренней прохлады до вечерней —
вот маленькая тайна бытия.

Когда и я, как царский виночерпий,
мог пригубить до пира, до начала
скрепленья символов и до перемещенья
теней по циферблату. Слишком мало
и так не к месту мое прошение.

Сместилось солнце вверх, определилась тень,
но я, я буду к этому стремиться,
под спудом ясности хранить преддверья лень.
А там, там как мой царь распорядится.

3.

По черной лестнице добра и зла,
когда все спят, и нет стеснения воле,
и кофеин подхлестывает мозг,
так двигаться легко, она сама несла
очередным витком. Не все равно ли
вверх, вниз – уже ни зги, уже растаял воск.

С одним привыкшим к логике умом
там, в темной бездне или на вершине,
наощупь двигаться за эхом троекратным,

разочаровываться всякий раз в прямом,
и путать шаг от следствия к причине.
И нет ступеней, что ведут обратно.

9.

...какой-нибудь маленький знак,
нитку в руке, свет на стертом пороге
или особый лица поворот.
Я бы сберег, как последний пятак
за щеку прячет калика в дороге:
вспомнит и судорогой кривится рот.
И соглашусь, и любой из ролей
буду привержен, усвою рисунок,
мысли и речь, как судьбу, затвержу
и предаваться ей буду смелей.
Ну подскажи еще довод, рассудок.
Только-то нитку в кулак и прошу...

10.

Ни бросить взгляд, ни фразу обронить...
И круг забот, и все, что только снится,
уйдет штрихом с волосяную нить,
оставит след на чистовой странице.
На краткий миг, что к жизни ты привит,
когда все смысла ищешь в ней иного,
допущен ты узнать свой алфавит
и выписать своей судьбою слово.
Что ж, каллиграф, ты с делом не знаком?
Да скрой свой вздох: восторги и печали

отметит иероглиф узелком
и непрочитанным останется в скрижали.

12.

От капищ и божниц, от рынка и от книг,
от терпких вечеров, от скорби мировой,
от ветреных пиров, от стягов, от резни
мне чашка белая с полоской золотой.

Мне легкое вино, настой земных цукут,
мне ключевой воды на полный свой глоток.

Закрывать глаза и пить, вздохнуть, как дети пьют:
со всеми заодно. За дальний свой итог,
за роскошь запятой, за крик неслышный: бис,
за безоглядный бег, за цены на постой,
за корчи на снегу... О только не сорвись
над чашкой белою с полоской золотой.

«И вдруг оказываешься в чужом доме...»

И вдруг оказываешься в чужом доме,
с чужою женщиной,
среди чужих вещей
и с памятью о годах,
что прожиты вне смыслов, вне значений.
Тогда не быть и быть – все ни к чему,
тогда свобода не нужна уму,
и весь словарь становится ничей —
ненужным правилом беспомощных общений.
Не хочется ни говорить, ни действовать.
Игра обнажена
и прежней веры ей уже не будет.
Становится так холодно и ясно:
так вот взамен чего...

«Речь повседневности меж «как живешь» и...»

Речь повседневности меж «как живешь» и «здравствуй», жаргона и жестких слов из деловых бумаг включает сказку, как диковинный предмет, который бесполезно редок, но все же красив необъяснимо, скрывая в патине иных нам непривычных слов вздох давних лет. Их нет уже в помине: ни Пелагеи — ключницы, ни зелья приворотного, ни святок. Все яства съедены, но тяжесть их медовую хранят слова. От них все веет пряный запах, теперь уж непонятный. По нему уж не восстановит протяжность ритма обыденности давней и саму среду, которой это все сродни, которой не чужды были гаснущие уголья намеков, укоров и печали, упрятанной в наивную мечту. И что нам эта давность, что за нужды дают нам право выдергивать для вздора своих теорий события, даты, имена, легенды? И что за смысл в уроках истории, ее упреках, в наставших сроках и в проклятых роках? Все по-другому было, все не так являлось в те, отошедшие в небытие моменты.

Мы не подтверждаем, нет иного прока
в нашем пульсе, чем войти, как малость,
в ушедший гул времен и унести с собой
все наши слабости, ошибки, подвиги, пророков
и то неуловимое, чем живы мы и что зовем судьбой.

«Мне из постели видно: выпал снег...»

Мне из постели видно: выпал снег.
Он на покато́й крыше дома, что напротив,
слегка светлее серой кальки неба.
Ты спишь еще и плен сомкнутых век
хранит сюжет вчерашний в теплой ноте
с последним солнцем. Чьим по мифу? Феба?

А прежде жгли в такое утро свет,
шел пар из чайника и грел стакан с кефиром.
Встаешь, а день уже привычно завязался:
от мамы пахнет кухней, из газеты
лицо отца.
Блаженна власть над миром.
Жаль, от нее мне только миф остался.

«Лето только пережить...»

Лето только пережить
и в демисезонной стае
над горами, над крестами,
над волнами покружить.

Праздник только пережить,
чтоб в задорном ритуале
не сожгли, не затоптали.
Над волнами покружить.

Вечность только пережить,
погасить долги оболком
и на том пути веселом
над волнами покружить.

Римская монета

Если эту монету правильно развернуть к экрану, профиль Германика поднимется из ее глубин. Век свой с собой приведет упрямый и пряный с подлогом, Калигулой в спину. А ведь сын.

Теперь отложить ее и повернуться к экрану. Что там такое в Сирии, когда же все началось? Новый Пизон наносит смертельную рану, отменяет эдикты. Яды разлиты и сочинен донос.

Давиду Фогелю, поэту

Мир ловил меня, но не поймал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.